

ТИМУР ФРУНЗЕ

Мальчику не было и трех лет, когда умер его отец — Михаил Васильевич Фрунзе. Первое время ребенок тосковал лишь о его теплой руке, о ласковом голосе, о любящем взгляде. Только потом, став постарше, мальчик узнал, что он сын легендарного героя и полководца Красной Армии.

Часто маленького сиротку сажал к себе на колени Ворошилов и долго и грустно гладил его золотистые волосы, вспоминая любимого друга.

Старые шуйские рабочие, приезжавшие проведать семью своего друга Арсения, рассказывали мальчику, как его бесстрашный отец с юных лет отдал себя на борьбу за дело рабочего класса, как выдержал он поединок с самодержавием и, дважды приговоренный к смерти, не дрогнул перед царскими палачами. А товарищ Ворошилов много раз вслух припоминал, как Михаил Фрунзе водил в рукопашный бой ивановских ткачей, как в страшном бою подбадривал чапаевских орлов, как штурмовал Перекоп.

Впечатлительный мальчик в детских снах видел своего отца, покинувшего его так рано; в своих мечтах он шел с ним плечо к плечу среди красноармейских цепей под Уфой, скакал стремя к стремени на верном коне под Перекопом.

У мальчика было воинственное имя — Тимур — в память солнечной Средней Азии, где родился, рос и потом побеждал его великий отец.

Тимур Михайлович Фрунзе поступил в летную школу.

Комсомолец Фрунзе, всегда подтянутый, дисциплинированный и исполнительный, выделялся среди курсантов. Как же иначе: сын одного из создателей Красной Армии, воспитанник Ворошилова, он с детства впитал в себя лучшие воинские традиции.

В разгар великой отечественной войны молодой Фрунзе явился на Северо-западный фронт. Вначале ему поручали только воздушную вахту над своим аэродромом. Признаться, полковник, командир этой части, невольно оберегал сына Фрунзе. Это не укрылось от молодого воина.

— Прошу посылать меня в бой, как всякого рядового летчика, — сказал он полковнику. — Не заставляйте меня краснеть перед памятью отца.

Молодой Фрунзе рвался в бой. Каждая минута, проведенная им на земле, казалась для него потерянной. Особенно он заскучал, когда стали менять мотор его самолета. Тимур не находил себе места, зная, что началось наступление, зная, что его друзья, не щадя своей крови и самой жизни, грудью прикрывают наступающие войска.

Он не уходил из-под белого брезента, под которым воентехники ставили мотор, торопил их, помогал. А вернувшись в общежитие, не мог заснуть и, чтобы успокоиться, ставил свою любимую пластинку с песней про орленка.

В эти дни товарищи и прозвали его Орленком.

Наконец вместе с опытными, обстрелянными летчиками он вылетел на поле боя. Он искал встречи с врагом. В необъятном небесном океане — миллионы невидимых дорог без перекрестков. Молодому летчику птица может показаться самолетом и самолет — птицей. Как часто он хочет видеть все и ничего не видит. Нужно еще облетаться, чтобы стать воздушным бойцом.

Он хотел найти врага и нашел его. По красной стреле, выложенной на снегу бойцами, он вместе с летчиком Шутовым устремился вперед и увидел фашистского корректировщика, вьющегося над рядами наших войск.

Увертываясь от зениток, «Хеншель-126» высыпал огонь своей артиллерии на головы советских бойцов.

Чаще забилося воинственное сердце Орленка. Сдерживая излишний пыл, стараясь быть расчетливей и хладнокровней, он атаковал бронированный верткий самолет по всем правилам искусства.

К общему восторгу пехотинцев и артиллеристов, ненавистный «костыль» был сбит Тимуром Фрунзе.

Прилетев в орлиное гнездо истребителей, Тимур старался быть равнодушным, а сам не мог сдержать радостной улыбки. Товарищи поздравляли его. Он смущался и отвечал:

— Ну, ведь это не истребитель, всего только каракатица.

Но товарищи Фрунзе знали, что «каракатица» — это самая каверзная машина и не один неосмотрительный летчик нарвался на пулеметы ее стрелка-радиста.

В первой же встрече с врагом лейтенант Фрунзе показал себя талантливым воздушным бойцом. Командование стало посылать его во все боевые операции.

Наши войска наступали. Фашистские вояки зубами и ногтями цеплялись за русскую землю. Советские воины шли сквозь пургу и снега, отказываясь от сна и теплого крова, лишь бы гнать и уничтожить проклятое фашистское зверье.

Стремясь сдержать наступательный порыв наших армий, фашисты бросали в бой свою авиацию. В воздухе потеплело. «Юнкерсы»

Пропеллер загудел. Через несколько секунд шасси дежурного истребителя оторвется от земли.

«Хейнкели», «Мессершмитты» — вся черная сила собралась в небе, чтобы остановить русское войско.

В эти дни вместе с товарищами богатырски дрался молодой Фрунзе. Встретившись с противником, имевшим превосходство в числе, он сбил еще один фашистский самолет. Много их, черных, желтых и коричневых, с безобразными значками на хвостах и крыльях, уже лежало на истоптанных снегах, в долинах и на холмах Валдайской возвышенности.

Но на смену побитой вражьей силе шли все новые и новые. Сгущались тучи над войсками. Грозные молнии пулеметных трасс все чаще скрещивались и сверкали в хмуром зимнем небе.

— Отбить фашистскую авиацию! Не дать ей бомбардировать наши войска! — с этим девизом вылетали по пяти, по шести раз в день в жестокие воздушные бои наши летчики, и с ними сын Фрунзе.

Сегодня он взлетел опять вместе с лейтенантом Шутовым. Тесной парой они дружно проносились над наступающими войсками. Боясь наших истребителей, фашистские бомбардировщики не показывались. Чтобы сорвать атаку наших войск на крупный узел сопротивления, немцы выслали своих истребителей.

Лейтенант Фрунзе был уже опытным воздушным бойцом и научился видеть сразу и небо и землю. Он видел, как по белому снегу перекатывались белые цепи наших бойцов, как падали и становились неподвижными люди, но продолжали идти вперед другие. Вот река. Вот мост. Вот они уже бегут за мостом. Решительная минута. В такую вот минуту у моста под Уфой появился в атакующих цепях его отец — Михаил Фрунзе, лично повел бойцов в рукопашную и уничтожил своей

рукой двух врагов... Командиры уговаривали его не рисковать собой, но он отвечал: «Так нужно, я буду здесь».

И там, внизу, сейчас решалась судьба атаки.

Лейтенант Тимур Фрунзе взглянул вниз и увидел замешательство в рядах бойцов. В разгар атаки они стали ложиться. Со стороны солнца неслись на них хищные «Мессершмитты».

— Вперед!— крикнул летчик.

И, переводя этот призыв на свой летный язык, он покачал крыльями и помчался наперерез «Мессершмиттам».

Вдвоем с лейтенантом Шутовым они дружно ударили на четверку «Мессершмиттов-109» и сразу сбили одного фашиста. Остальные взмыли.

Бойцы, увидев короткую и победную схватку, громче крикнули «ура» и ворвались в узел сопротивления. Началась русская рукопашная. Свободная от угрозы с воздуха, пехота стремилась вперед и вперед.

А в небе продолжался смертельный бой.

Три «Мессершмитта-109» вызвали себе на помощь трех «Мессершмиттов-115», дежуривших под облаками. Объединившись, вся стая напала на двух наших истребителей. Шутов и Фрунзе плотно прижались друг к другу, нанося врагам удар за ударом. Еще один «Мессершмитт» повалился. Но вот получил рану и отваливает самолет Шутова. Фрунзе один против всей вражьей силы.

Бежать? Нет, не таков Фрунзе. Драться, атаковать, нападать, пока не подойдет подмога. Сковать все силы врагов, чтобы не дать им обрушиться на бойцов Красной Армии.

И он дрался, до боли стиснув зубы.

В прекрасном упоении боя, с пылающим лицом и сверкающими глазами встретил он подстерегавшую его смерть. В воздухе, высоко над полем боя, был убит врагами бесстрашный Орленок — сын Фрунзе.

Немного опоздала подмога. Четверка наших истребителей успела лишь отомстить убийцам Тимура: ни один из них не ушел.

С почестями похоронили Тимура Михайловича Фрунзе на кладбище, в тени высоких берез. Прощальный салют слился с победными залпами наступающей Красной Армии.

Невольные слезы были скупы в сравнении с радостными слезами детей и женщин из сел и деревень, освобожденных в этом наступлении.

Пройдут века, но не забудется имя одного из создателей Красной Армии — Михаила Васильевича Фрунзе. Вместе с ним будет помнить наш народ бесстрашного комсомольца — Героя Советского Союза Тимура Фрунзе.

Его короткая жизнь блеснула ярко и благородно, как молния, как стальной и победный клинок его отца.